

*Юмор ведь есть остроумие глубокого чувства ,
и мне очень пр вится это определение.*

Ф.М. Достоевский

— 1 —

Стоит произнести: «Достоевский...» и словно к «морозам — розы» продвинутый современник рифмует к нему «слезинку ребёнка», «народ богоносец», и непременно — на, вот возьми её скорей! — «красоту, спасающую мир». Вспомнит и сугубые рифмы: «карамазовщину» — синоним загадочной русской души да «топор Раскольников» — универсальный ключ к неразрешимым вопросам бытия.

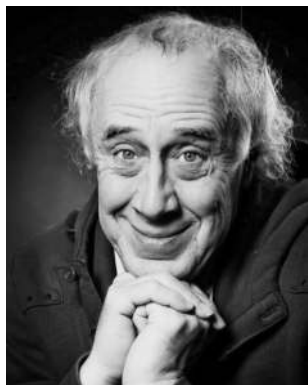
Известно — Достоевский чрезвычайно серьёзен, если не сказать мрачен. Известно даже тому, кто не прочёл ни одной его страницы, лишь глянул на согбенную бронзовую фигуру у метро «Владимирская». Тягостным, болезненным веет от памятника писателю. Не иначе, авторы изваяния воплотили слова Горького: «Достоевский — большая совесть наша», произнесённые по поводу «Братьев Карамазовых», поставленных в 1910 году Немировичем-Данченко во МХАТе. Десятилетия диагноз, вынесенный буревестником революции, был догмой для всех, кто изучал или интерпретировал Достоевского. И сегодня талант описания разного рода «патологий русской души» многим заслоняет иные дарования классика, в том числе комический дар. Сам Достоевский утверждал, что нет предмета, на который нельзя было бы посмотреть с комической точки зрения. Кропотливые исследователи обнаруживали тому подтверждение в каждом его произведении. Таковые нашлись и в Театре им. Ленсовета, где 7 апреля на малой сцене прошла премьера спектакля «Достоевский и К⁰»: чтение актёрами театра рассказа Достоевского «Скверный анекдот»

в первом отделении, и авторское чтение Татьяной Москвиной повести «Конечно, Достоевский!», во втором.

Режиссёр Мария Романова обратилась к актёрскому чтению, веря, что эта первородная форма, став основой спектакля, позволит избежать надуманных решений и полнее раскроет автора. На фоне примата режиссёрского самовыражения на почве классики это смелый жест. Отчасти это сродни современному театру — поясняет Мария Романова, предлагая зрителю соавторство — подключение воображения и понимания. Всё так и получилось. Спустя несколько минут зритель уже не обращал внимания на распечатки текста у актёров, разыгрывающих «Скверный анекдот», что называется, с листа. Он видел их участниками фантазмагии развенчания образов: «эмансипированный генерал» оказывался жалким фразёром, а «маленький человек», обласканный со времён революционно-демократического литературоведения, обращившись «хамом, хищником и приспособленцем».

Прескверная история приключилась с генералом Пралинским (народный артист России Сергей Мигицко): шесть бокалов шампанского на новоселье у приятеля случайно привели его на свадьбу мелкого чиновника Пселдонимова (актёр Александр Крымов). В благородном намерении генерал решил поздравить молодых. Он движим парами шампанского и идеями, что, если он будет гуманен, люди полюбят его, поверят ему, следовательно, уверуют и в государственную реформу и также полюбят её. Благородные рассуждения малоумного человека натолкнулись на абсолютное непонимание гостей. Из неловкого замешательства удалось выйти находчивостью матери жениха. Бесхитростное приглашение не побрезговать скромным угощением ободрило генерала и разрядило обстановку. В этой и других ролях спектакля актриса Надежда Федотова живописала женские типы второй половины XIX века, точно подмеченные Достоевским.

Расслабленный собственным благодушием и обилием выпитого, генерал опустил до уровня пьяной компании. К удивлению, он обнаружил нежелание гостей видеть в явлении его персоны на свадьбе подчинённого торжество идеи гуманизма. А ведь он явил-

Народный артист России
Сергей Мигицко

ся «нравственную цель обнаружить» и указать её народу — его, генерала, народу! Но столкнулся с насмешками и оскорблением. Народный артист России Евгений Филатов убедительно явил всевозможные тонкости отношения подчинённых к начальству, выражаемые в глаза и за глаза, в трезвом уме и твёрдой памяти и в хмельном отчаянии. «Вы пришли ломаться и искать популярности!» — таков ответ празднующего чиновного люда на благородный порыв генерала, а в их глазах на барские замашки и претензии.

Четырём актёрам, малыми средствами («всего лишь» мастерским владением своим искусством и следованием авторскому тексту) удалось доподлинно выстроить ситуационное многообразие рассказа. Вместе с художественным аскетизмом сценографии это сообщало постыдную комичность результатам внезапных «хождений в народ» казённого либерализма. Иван Ильич Пралинский «во многих местах успел прослыть отчаянным либералом», — вспоминается реплика автора. И то верно. Что-то слащаво-подозрительное слышится в фамилии генерала. Пралине (фр. *praline*) десертный ингредиент из молотого миндаля в сахаре для кремов и пирожных. Сергей Мигицко блестяще сыграл генерала, который попытался окормлять подчинённых «десертными идеями» и с позором убедился, что «Не выдержал!». Он пришёл к выводу: в социально-политическом рационе полезней держаться постной строгости, и чтобы никакого миндальничания!

Смех, конечно, смехом. Однако, благодаря прекрасной игре актёров, комизм, заданный автором «Скверного анекдота», подтачивается возрастающим конфликтом полнейшего непонимания между людьми. Закрадывается мысль: а возможно ли оно вообще — понимание? Тогда откуда в финале возникает чувство сопереживания осмеянному и провалившемуся генералу? Из-за актёрского мастерства? Да. И юмора Достоевского, его улыбки печальной любви при виде высокого в его приземлённой форме.

— 2 —

Авторское чтение Татьяна Москвина начала с пояснения: «Конечно, Достоевский!» — это киноповесть, в 2011 году под названием «Жар» её поставили в Театре на Литейном. В ней обыграны мотивы сочинений любимого автора, однако «ни в одном отзыве на спектакль никто на это не обратил внимания». Далее она задалась вопросом, созвучным замечанию, с которого я начал первую часть размышления о премьере «Достоевский и К⁰», — о крайне однобо-

ком видении нашей публикой творчества классика. «Не может же быть, чтобы дипломированные театроведы не опознали (в героях поставленной на сцене повести — А. М.) ни Смита с дохлой собачкой из “Униженных и оскорблённых”, ни Крафта из “Подростка” с его идеей “русские — второстепенная нация и в качестве русского не стоит жить”?».

Это не что иное, как указание на тему, также актуальную, как и во времена Гоголя и Жуковского. В переписке 1848 года они жаловались, что их мало, а то и вовсе не читают. И речь была не о мужике, иной раз всё же несущем с базара что-то печатное, кроме пряника, а о ближнем круге образованных людей. Так по сей день: коснуться до всего слегка — всегда пожалуйста, а проникновенное чтение отечественной литературы... — да стоит ли она вся слезы Делёза?

Всемирной русской отзывчивостью по праву гордился Достоевский. Думал ли он, что она приобретёт нездоровый оттенок пренебрежения ко всему родному? Готовность бросаться собирать камни «страны святых чудес» прекрасна, когда бы под ногами не валялись разбросанными (о, эти ветры перемен!) самоцветы своей культуры.

В античном Риме были поэты и учёные поэты, Татьяна Москвина — современный учёный писатель. Один из её любимых учителей — Достоевский. Она с гордостью говорит об этом. «Достоевский для меня — нечто вроде ментального отца. Я не читала его книги, а жила в них. “Преступление и наказание”, типовая серенькая книжка, была у меня вся в закладках — то есть я по желанию открывала и перечитывала отдельные сцены, после того как несколько раз подряд прочитала весь роман. Не могла расстаться с ним».

Татьяна Москвина прочла с некоторыми сокращениями петербургскую киноповесть, полную отсылок к героям и ситуациям произведений Достоевского. Разрозненные сцены кусочками смальты складывались в финале в ясную мозаичную картину. Обходясь интонационным минимумом и единственным жестом — кисть руки как бы перелистывала завершённый эпизод, — писательница всё второе отделение держала зал: водила по городу, знакомила с персонажами, вовлекала в действие.

Главный герой — молодой революционер Федя, воплощение неистребимого типа «русских мальчигов». Он служит подтверждением (или опровержением) нравоучения Ивана Карамазова, спустя полтора года: «Вот что, Алёша, быть русским человеком

иногда вовсе не умно, но всё-таки глупее того, чем теперь занимаются русские мальчики, и представить нельзя». Пропащая на двадцать лет и счастливо (?) нашедшаяся мать Феди Клара Петровна спешит из-за границы искать сына. Она одаривает его тремя тысячами евро. Федя — привет Настасье Филипповне! — швыряет их в окно.

Сцены, воссозданные воображением зрителей во время чтения, убеждают: представить, чем ныне занимаются русские (и не только мальчики!), писательница способна в подробностях. Язык и темп повести динамичны, стиль рассчитан на отзывчивого читателя по части восприятия умного юмора и «сердца горестных замет», едва намеченных, как и подобает сдержанным, но ясноглазым и глубоко чувствующим петербуржцам.

В повести Москвиной персонажей, наверно, не меньше, чем в «Братьях Карамазовых». Иначе как показать столкновение интересов, характеров и убеждений, которыми бурлит постсоветская Россия. Страна и общество как бы новые, но почему-то об этом новом дивном мире писательница начинает повествование точно с того же, с чего начинается «Преступление и наказание»: июнь, жара...

В «Достоевском и K⁰» совместились два подхода Литературно-просветительского проекта «Связь времён» по восстановлению роли литературного начала в прекрасном искусстве театра. Актёрское и авторское чтение — разные варианты в решении этой задачи, премьера 7 апреля показала, что оба действенны.

